

Об ориентирах аргументологии в информационном обществе

В. И. Чуешовⁱ

ⁱ Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Минск

Аннотация: Статья посвящена основным ориентирам аргументологии в информационном обществе. Рассмотрен квадрат опыта и теории аргументации, а также особенности современных демонстративной, конформативной, персуазивной и экспликативной теорий аргументации. Выявлены ориентиры их аргументологической взаимодополнительности, а также соответствия задачам построения информационного общества.

Ключевые слова: аргументология, квадрат опыта и теории аргументации, демонстративная, конформативная, персуазивная, экспликативная теории аргументации, информационное общество.

Как философская наука о наиболее общих, предельных, социально-исторических основаниях теории и практики аргументации, *аргументология* обобщает *три* типа знания. Во-первых, *обыденное знание*, или опыт и искусство аргументации. Они в концентрированном виде представлены в словарях национальных языков. Во-вторых, *теорию(и) аргументации*. В наши дни это около десятка различных конкретно-научных теорий аргументации (лингвистическая, прагма-диалектическая, неориторическая и др.) (*Handbook of Argumentation Theory*, 2014); в-третьих, *философию аргументации*, взятую в ее историческом развитии, или историю философии аргументации.

Неиссякаемым источником опыта и искусства аргументации являются национальные обыденные языки.

Слово «аргументация», вошедшее в словарь современного русского языка из польского (латинского) до сих пор сохраняет в нем четыре исходных *базовых* значения: 1) доказательство; 2) обоснование, или приведение доводов (аргументов); 3) убеждение и, наконец; 4) причина, или разъяснение (уточнение) (Чуешов, 2014b).

Концептуализация опыта и искусства аргументации, проводимых на русском, белорусском языках помогает определить границы и предметное поле теории аргументации и в наши дни. Она наглядно может быть представлена

в виде *квадрата аргументации*. В нем различные виды аргументации и их теоретические модели выражают традиции нашего языка, характеризуя *одну из сторон* внутренне единого процесса аргументации в целом.

С помощью, использовавшейся в истории науки и культуры аргументологической терминологии, опыт и концептуализацию (теоретизацию) аргументации, представленную в виде квадрата мы обозначаем, используя ресурсы латинского и английского языков следующим образом. Нижнюю сторону квадрата, как *демонстративную* (от лат. demonstratio — доказательство, букв. демонстрация (Д)), левую сторону, как *конфирмативную* (от лат. confirmatio — обоснование (К)), правую, как *персуазивную* (от англ. persuasion — убеждение) и верхнюю, как *экспликативную* (от англ. explication — выявление (причины), букв. экспликация (Э)) аргументации.

По первым буквам обозначения основных видов аргументации квадрат опыта и теории аргументации описывается, как ДКПЭ.

Обозначив теорию, как Т, список основных теорий аргументации наглядно будет выглядеть следующим образом: ТДА (теория демонстративной аргументации), ТКА (теория конфирмативной аргументации), ТПА (теория персуазивной аргументации), и, наконец, ТЭА (теория экспликативной аргументации).

Каждая из них соответствует стороне квадрата опыта и теории аргументации.

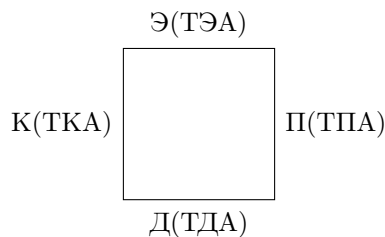

Рис. 1: Квадрат опыта и теории аргументации

С одной стороны, опыт и искусство демонстративной и др. аргументации, проводимых на естественном языке, а также их теоретические модели являются предпосылками для аргументологического обобщения. С другой стороны, результаты аргументологической обработки опыта, искусства, а также ТДА, ТКА и др. являются важным метатеоретическим условием их дальнейшего развития и действенного практического использования.

Повседневная практика аргументации является отправной точкой ее *теоретического моделирования* (Зайцев, 2015). Аргументологическое изучение аргументации, с другой стороны, выступает условием ее ответственного использования, а также совершенствования аргументационной культуры человека и общества.

По своей природе аргументационная культура общества и человека является социально-исторической. В Новое время в соответствии с задачами индустриального и научно-технического развития представители конкретных наук и философы интересовались по преимуществу особенностями демонстративной

аргументации, стремились совершенствовать культуру демонстративной аргументации человека и общества. Это давало основания рассматривать демонстративную аргументацию, как базовую в квадрате опыта и теории аргументации.

Вместе с тем, ретроспекция длительной и извилистой предыстории и истории философии аргументации, не позволяет делить без остатка культуру аргументации человека и общества в целом на культуру демонстративной аргументации. Прежде всего, потому, что в истории в эпицентре теоретической рефлексии и философских обобщений нередко оказывались и конфирмативная, и персуазивная, и экспликативная аргументации как вместе с демонстративной аргументацией, так и отдельно от нее (Чуешов, 2003).

Исходные понятия и принципы теоретического осмысления многообразия аргументации, как свидетельствует история западной и восточной аргументологии, обычно оформлялись с разными скоростями, а демонстративные, конфирмативные и др. теоретические модели аргументации в разные эпохи имели неодинаковый удельный вес в жизни общества и его образовательной подсистемы.

Не рассматривая причины, по которым в авангарде теоретического интереса к аргументации в науке, начиная с Нового времени и вплоть до середины XX в., оказалась ДТА, ограничимся следующим наблюдением: именно она была идеалом и (или) задавала образцы для подражания другим видам аргументации, а также ее теоретическому моделированию.

Демонстративная аргументация является *логическим доказательством*, т. е. рассуждением, которое позволяет от истинных посылок с помощью истинных средств приходиться к истинному *выводу (заключению)*. Способом концептуализации и движущей силой развития и применения демонстративной аргументации была сначала классическая формальная, а затем современная математическая логика.

В первой половине прошлого века потребность в изучении классической формальной логики стала трансформироваться в социальный заказ даже в тех странах, где она ранее по каким-то причинам не изучалась. Например, в СССР после войны по инициативе И. В. Сталина профессор В. Ф. Асмус стал проводить занятия по формальной логике ... с высшими должностными лицами советского государства. В это время курс формальной логики был включен в учебные программы высшей школы у юристов, а позже у педагогов и других специалистов.

Сложившийся в СССР социальный заказ на изучение формальной логики реализовывался как изданием соответствующей учебной литературы, так и институционализацией формальной логики в системе высшего образования и науки. Однако, было бы упрощением полагать, что данный заказ в СССР, к примеру, в 80–90-ых гг. прошлого века действовал автоматически. Для того чтобы он оставался социальным заказом не на словах, а на деле, необходимость его реализации должна была глубоко осознаваться не только субъектами, принимающими решения в государственном управлении образованием, но и их исполнителями.

Сегодня в России и Беларуси социальный заказ на изучение формальной логики явно размывается, с чем нельзя согласиться, особенно, не забывая о том, что его реализация всегда требовала активной интеллектуальной и административной поддержки, такой, например, которую всегда реализовывал профессор В. С. Меськов.

Важно подчеркнуть, что необходимость включения формальной логики в систему отечественного образования отражает не узкокорпоративные интересы ее преподавателей и исследователей, а глубинные потребности формирования постиндустриального и информационного общества в России и Беларуси. В информационном обществе, и не только в таких его подсистемах, как экономика знаний, креативная экономика и пр., но также и индустрия, образование и пр. без практического воплощения в жизнь идейного союза формальной логики, с одной стороны, и процессов компьютеризации, с другой, в частности, в виде логического программирования обойтись невозможно. С этой точки зрения между культурой демонстративной аргументации человека и общества и закономерностями развития отечественного информационного общества существует прямая зависимость. А именно: чем выше будет уровень развития в нашем обществе демонстративной аргументации и ее культуры, тем увереннее будут наши достижения в промышленности, сельском хозяйстве, банковской сфере, а также в сфере образования и т. д.

Ключевое место культуры аргументации вообще, культуры демонстративной аргументации, в частности, в информационном обществе заостряет значение исследования ее предыстории и исторических уроков.

Очевидно, что ключевая роль формальной логики в информационном обществе вряд ли была бы возможной без серьезной аналитической работы по исследованию сути демонстративной аргументации, которая была начата еще в Древнем мире.

О ее ранних результатах мы сегодня можем судить, например, по высказываниям Фалеса о доказательном рассуждении, исчислению высказываний стоиков, аналитической обработке Аристотелем фигур и модусов простого категорического силлогизма и др.

Ее серьезные результаты были достигнуты в Новое время. Прежде всего, Р. Декартом, который стал рассматривать математику не только, как идеал точной и строгой науки, но и универсальный язык науки вообще.

Французский философ соединял особенности демонстративной аргументации (логики дедукции) с принципами математики. Эта задумка также вдохновляла Б. Паскаля, который в работе «О геометрическом уме и искусстве убеждать», раскрывая особенности приоритета демонстративной аргументации по отношению к аргументации персуазивной, реанимировал античную традицию оценки геометрической наглядности логического доказательства в качестве эталона аргументации вообще. В сходном направлении своих читателей ориентировали также А. Арно и П. Николь, полагавшие, что геометрия — «единственная наука, доставляющая нам *совершенно ясные идеи и неопровержимые положения*» (выд. мною. — В. Ч.) (Арно, Николь, 1991, с. 21).

Серьезный шаг в формировании канонов демонстративной матрицы постин-

дустриального общества был сделан Г. Лейбницем. Углубляя средствами математики и искусственного языка понимание природы демонстративной аргументации, немецкий философ во многом предопределил пути дальнейшего развития формальной логики как логики математической, а также осуществил концептуализацию своеобразия конфирмативной аргументации с помощью принципа достаточного основания (Чуешов, 2014a).

Линию развития демонстративной модели аргументации средствами математической логики после Лейбница продолжали Б. Больцано, У. Гамильтон, А. де Морган; создатель алгебры логики, один из отцов современных информационных технологий Дж. Буль, а также У. Джевонс, Э. Шредер, Р. Грассман и др. Что касается продолжения линии развития конфирмативной аргументации, то укажем влияние на нее таких немецких мыслителей, как И. Кант, Г. Фихте, Г. Гегель и др., особенно их диалектики как логики и теории познания.

Математическая логика была институционализирована на II-ом Всемирном философском конгрессе в Женеве (1904). Это стало дополнительным импульсом не только для разработки ее неклассических разделов, но формирования своеобразной математико-логической экспансии в предметную область недемонстративной аргументации.

О сильных сторонах данной экспансии сегодня можно судить по оригинальным результатам, полученным в алетической, деонтической и др. логиках, в которых специально изучались возможности формального использования операторов «убедительно», «возможно», «справедливо» и др.

Экспансия математической логики в область обоснования, убеждения, экспликации способствовала углублению наших представлений о возможностях демонстрационных теорий убеждения, обоснования, экспликации, а также уточнения содержания базовых для ДТА концептов: «доказуемо», «опровержимо», «непротиворечиво» и др.

Она также способствовала прояснению особенностей взаимной дополнительности демонстративной, с одной стороны, а также конфирмативной и других видов аргументации, с другой стороны, продуцированию догадок о том, что «оценка “ложно” сходна с модальностью “невозможно”, а оценка “справедливо” изоморфна оценке “истинно”; “правда” — желаемая истина (хотелось бы, чтобы было истинным)» и, следовательно «...логика с оценкой “справедливо”, в той же степени логика, что и с оценкой “возможно”» (Ишмуратов, 2015, с. 5).

Вместе с тем данная экспансия посредством ее абсолютизации, доведения до мировоззренческого и методологического предела имела слабые, отрицательные стороны. Одной из них было мировоззрение математико-логического экспансионизма. Неудивительно, что оно уже в первой половине прошлого века стало мишенью критики в математическом и логическом научном сообществе, инструментами которой были метаматематика, а также металогика, как учение о строении и свойствах формально-логических систем, условиях их непротиворечивости, полноты, разрешимости и т. д.

Ключевую роль в развенчании претензий математико-логического экспансионизма, а также уточнении возможностей взаимосвязи демонстративной и недемонстративной аргументации в первой половине XX в. сыграли К. Гедель,

А. Черч, А. Тарский и др.

В геделевской работе «О формально неразрешимых предложениях *Principia Mathematica* и родственных систем» (1931) была реализована дедукция тезиса о том, что в такой формальной системе, которая содержит арифметику натуральных чисел, имеется формула, которая, если данная система является непротиворечивой, не может быть ни доказана, ни опровергнута, и ее отрицание не может быть выведено из аксиом.

Сходным образом ограниченность математико-логического экспансионизма продемонстрировали результаты, полученные А. Тарским и А. Черчем. Как следствие, представление о том, что «математика вынуждена бесповоротно отказаться от претензий на абсолютную достоверность или значимость своих результатов, т. е. лишиться одной из основных своих особенностей, на которую она всегда претендовала» (Пушкарский, 2014, с. 155) стало важнейшим свидетельством ограниченности претензий математико-логического экспансионизма.

Другие мировоззренческо-методологические следствия, сопровождавшие теоремы К. Геделя и А. Черча, семантическую теорию истины А. Тарского, по меньшей мере, косвенно указывали на значимость проблематики недемонстративной: конфирмативной, персуазивной и экспликативной аргументации и их теории (Микиртумов, 2006). В парадоксальном соответствии с заветами Г. Лейбница, И. Канта и др., они указывали на то, что формально-логическое и математическое моделирование демонстративной аргументации не может быть реализовано в виде механической, жестко детерминированной системы (ср.: Нагель, Ньюмен, 2010).

В наши дни редкостью уже не являются резонные сомнения некоторых логиков и математиков в том, что осуществляемые с помощью машины математические дедукции являются такими же внутренне убедительными, как и классические демонстративные аргументации, для убедительности которых их геометрической наглядности было достаточно.

Современная формальная логика, неплохо усвоившая уроки металогики, все увереннее совершает аргументационный поворот, одним из следствий которого стала такая программа ее дальнейшего развития, как неологицизм, или методологическое требование нового прочтения с помощью средств современной математики и формальной логики природы надежности математики, демонстративной аргументации, а также методологии науки в целом.

Рассмотрим под этим углом зрения тесно связанные с современным уровнем развития формальной логики и математики идеи эрлангенской школы, а также Э. Барт, Я. Хинтики, Ф. мин Данга (Dung, 1995).

Замечательный немецкий ученый П. Лоренцен (1915–1994), являвшийся последователем Д. Гильберта был не только представителем оригинальной неологицистской программы обоснования математики, но и демонстративного (выразимся мягче, формального) совершенствования ТДА еще в 70-ых гг. прошлого века.

Переехав в 1962 г. на работу в Эрлангенский университет, он в нем создал научную школу конструктивистской эпистемологии, игровой семантики, теории физических прототипов.

Его известными последователями были такие авторитетные ученые, как В. Камлах, К. Лоренц, Ю. Миттельштрасс, О. Швеммер, П. Яних и др.

С В. Камлахом он разработал общую концепцию методологии и философии науки. С К. Лоренцем создал, имеющую особое значение в контексте обсуждения наших проблем диалогическую модель аргументации, как оригинальное формальное расширение ТДА применительно к диалогу.

В этой модели Лоренцен и Лоренц попытались реализовать догадку о том, что мы вполне можем с помощью математики и демонстративной аргументации моделировать неформальные (в частности, интуитивные) предпосылки конфирмативной аргументации.

Теоретическая модель аргументации, разработанная в эрлангенской школе, базировалась на философской конструктивно-нормативной концепции науки, или эпистемологическом конструктивизме, коротко, конструктивизме и по своему духу, как представляется, была неологицистской.

Эрлангенцы развивали представления о существовании непосредственной связи между стандартами научности (в особенности, научности логики, математики, физики и пр.), с одной стороны, и особенностями аргументации в науке, с другой. Содержание аргументации в науке формировалось ее практикой.

С легкой руки И. Канта понятие практики в немецкой философии всегда использовалось достаточно широко и активно, хотя нередко и не имело единого понимания, о чем, например, свидетельствуют концепции практики Г. Фихте, Г. Гегеля и К. Маркса.

Представители эрлангенской школы взяли на вооружение кантовское понимание практики, согласно которому она, точнее, практический разум призван отвечать на вопрос о том, что человек *должен делать*. Помимо И. Канта на понимание целей и задач практического разума у эрлангенцев влияние оказал известный немецкий философ Г. Динглер (1881–1954).

В наши дни имя последнего в общей философии науки чаще всего ассоциируется с идеей возможности выведения геометрии и физики из прототипов. Со своей стороны, мы обращаем внимание на динглеровскую концепцию абсолютной этики науки, или концепцию абсолютного обоснования.

Г. Динглер вслед за И. Кантом считал, что те проблемы, которые мы не можем решить в стихии чистого разума, нами могут разрешаться в сфере разума практического. Динглера, как и Фихте в его наукоучении вдохновляла грандиозность задачи найти предельное надежное основание всех видов оснований.

Критически оценивая то, что было известно еще Г. Лейбницу об особенностях достаточных оснований, Динглер стремился отыскать абсолютное основание обоснования, поскольку только оно может быть надежным якорем, фундаментом всей «деятельности и мышления человека» (Dingler, 1949, p. 7, цит. по: Шишков, 2003).

Не приемля использование принципов конвенционализма в науке, немецкий ученый, стремясь преодолеть в ней хаос и произвол, и, следуя за И. Кантом и И. Фихте, пришел к следующему заключению. Источником абсолютного обоснования должно быть само обоснование, т. е. обосновательная деятельность человека, как волевое, императивное, морально ответственное поведение. Не

останавливаясь на различиях между динглеровским пониманием практики и трактовкой прагматики в современной лингвистике обратим внимание на следующее.

Сам Г. Динглер именовал общую теорию абсолютной обосновательной деятельности методической философией, рассматривал ее как продолжение и развитие идей И. Канта и философии жизни В. Дильтея.

В его методической философии базовое жизненное отношение «Я-мир» выступало «нулевой точкой отсчета обоснования», или «нетронутым», а «... “нетронутое”» есть «... такое состояние в отношении между “Я” и миром, которое может вводиться *произвольно* (выд. мною. — В. Ч.) в любой момент времени» (Dingler, 1949, p. 20).

Не сложно показать, что для Г. Динглера абсолютная конформативная аргументация тождественна демонстративному конструированию абсолютного обоснования и, наоборот. Деятельностно-конструктивистская концепция обоснования в духе Динглера стала отправным пунктом диалектической логики эрлангенской школы, или формального исследования прагматики диалога.

Эрлангенцы исходили из того, что прагматика диалога регулируется (нормируется) двумя видами правил: 1) структурными правилами, которые не зависят от контекста и связаны с презумпциями диалога. Презумпции диалога были априорными по своей сути социальными соглашениями его участников относительно обсуждаемых в нем проблем, а также 2) специальными правилами, которые регулировали контекст диалога аргументации.

Подчеркнем, что сами П. Лоренцен и К. Лоренц в сборнике статей, изданном в 1978 г., данную теоретическую модель аргументации называли диалектической логикой. Без особого труда можно показать, что диалектическая логика эрлангенцев существенно отличается от диалектической логики Гегеля или Маркса.

Отличается в первую очередь потому, что в ней использованы формализмы, с помощью которых моделируется игра между пропонентом, выдвигавшим некоторую точку зрения и оппонентом, оспаривавшим ее с помощью *конечных* шагов аргументации, что обязательно на определенном шаге приводило к выигрышу или проигрышу одного из них.

Совокупность пропозиций, позволявшая выигрывать в такой диалогике, ориентированной на описание правил формального диалога-игры, рассматривалась как рекурсивно исчислимая с помощью интуиционистской логики генценовского типа.

Как известно, Г. Генцен, уточняя границы формализации неформализуемого, обращал внимание на особенности природы доказательства, как логического вывода. Уместно напомнить друг другу о том, что у Генцена доказательный естественный вывод, по авторитетной оценке В. А. Смирнова, напоминал скорее лес, чем дерево (деревья) доказательства.

Анализ, использованной в эрлангенской школе прагматической семантики свидетельствовал о том, что, по мнению П. Лоренцена и его учеников формальная (математическая) логика имеет глубокие прагматические основания, а также ориентируется по преимуществу на Homo arguer, как человека обосновывающего.

В исследовании особенностей действия человека обосновывающего средствами математической прагматики, логической пропедевтики (Лоренцен, Камлах), диалогической логики (Лоренцен, Лоренц) эрлангенцы уместно обращали внимание на функции логических констант в естественном языке, правила диалога, права и обязанности его участников. По их мнению, структурные правила диалога обладали следующими особенностями: «1) на их основе происходит выдвижение и отклонение аргументов, приводящих к “выигрышу”» или к “проигрышу”; 2) уместные аргументы четко подразделяются на нападающие и защищающие; 3) атака может осуществляться в произвольном эпизоде диалога; 4) защита же может либо непосредственно следовать за атакующим действием, либо же может последовать через несколько ходов после соответствующей атаки; однако еще не защищенный атакующий аргумент, после которого начинается непосредственно цепь защищающих высказываний, защищается первым; 5) та общающаяся сторона, которая не может или не хочет выставить аргумент, как только до нее дойдет очередь, считается проигравшей, а ее противник считается выигравшим дискуссию. В такой трактовке атакующие действия реализуют “права”, а защищающие — “обязанности” соответствующих участников дискуссии» (Демьянков, 1984, с. 153). Прагматика диалогической логики П. Лоренцена была тесно связана с императивами этического разума, которые попытались заново промыслить Лоренцен и его ученик Швеммер (Eemeren, Grootendorst, Kruijer, 1987, p. 148).

Как известно, идеи эрлангенской школы оказали влияние, во-первых, на концепцию формальной диалектики Э. Барт и Э. Краббе, а через нее, во-вторых, и на уже упоминавшуюся выше прагма-диалектическую теорию аргументации амстердамской школы.

Не претендуя на исчерпывающую аргументологическую экспертизу концепции формальной диалектики Э. Барт и Э. Краббе, сначала обратим внимание на то, что первая была ученицей норвежского философа А. Наесса, который пристальное внимание уделял природе аргументации-экспликации, а также создателя семантических таблиц Э. Бета, исследователя семантической прагматики дискурса. Будучи сторонницей аналитической традиции в философии Э. Барт симпатизировала критическому рационализму К. Поппера, подчеркивавшему, что наш обыденный язык имеет особую аргументационную функцию. Под влиянием идей К. Поппера, Э. Барт одной из первых обратила внимание на роль философских оснований в теориях аргументации, в особенности на роли в них *философской концепции рациональности* (ср.: Шишков, 2003).

Использование данной концепции позволяло по-новому посмотреть на содержание демонстративной аргументации, а также на формальную логику как инструмент ее концептуализации и использования. Анализ Э. Барт свидетельствовал о том, что математико-логический экспансионизм базируется на двух ошибочных допущениях. Во-первых, на допущении о том, что существует одна единственная логика и, во-вторых, на предположении, что надежным обоснованием для логики может быть лишь «она сама» (Eemeren, Grootendorst, Kruijer, 1987, p. 132).

Формальная диалектика Э. Барт и Э. Краббе оказала влияние на прагма-

диалектику амстердамской школы, в которой, подчеркнем, однако, удельный вес формализации аргументации был по сравнению с формальной диалектикой значительно меньше, поскольку использовались не рафинированно нормативные, а нормативно-дескриптивные правила диалога сначала Ф. ван Эмереном и Р. Грутендорстом, а позже и П. Хоултлоссером.

Формальная диалектика Э. Барт и Э. Краббе была также конгениальной идеям, полученным, правда, на другом материале и приблизительно в то же самое время: 90-ые гг. прошлого века, замечательным финским ученым Я. Хинтиккой.

В отечественной литературе признан вклад Я. Хинтикки в анализ двух уровней: поверхностной и глубинной информации в общезначимых формулах; семантики возможных миров, создание эпистемологической логики в работе «Знание и убеждение» (1962). По оценке А. С. Карпенко, «научные интересы Хинтикки поражают разнообразием. Теоретико-игровая семантика, аналитические таблицы, индуктивная логика, теория доказательств, инфинитарные логики, интенциональные логики и пропозициональные установки, философия науки, история философии и логики (Аристотель, Декарт, Кант, Пирс, Фреге, Витгенштейн, Гёдель)» (Карпенко и др., 2016).

Здесь мы оставляем в стороне особенности неологицизма Я. Хинтикки. Здесь мы оставляем в стороне особенности неологицизма Я. Хинтикки. Он, как известно, еще в 1996 г. в работе «Пересмотр принципов математики» попытался вывести элементарную математику из расширенной Π логики, или логики, по замечанию А. С. Карпенко, с ветвящимися кванторами, которая характеризуется неполнотой. Со своей стороны, нам уместно подчеркнуть, что Я. Хинтикка в отличие от многих других специалистов всегда четко понимал глубинное единство интереса к формальной логике диалога, с одной стороны, и закономерностям развития информационного общества, с другой. По крайней мере, в таком направлении были ориентированы его попытки формализации информационно-ориентированного поискового диалога (Hintikka, 2007).

Я. Хинтикка различал два вида поиска: поиск информации и поиск знания. Первый, по его мнению, не ограничивается задачами экспликации.

Историческим примером реализации задач поиска информации по его мнению была сократовская эпистемология. Она существенно отличалась от эпистемологии Платона, которая была теоретической моделью поиска знания. Сократовский поиск как искусство майевтики на поверхности представлял собой череду вопросов и ответов на них. Я. Хинтикка показал, что, занимаясь поиском информации, которая является, например, релевантной для понимания контекста аргументации, необходимо использовать неизвестную Платону эпистемологическую логику первого порядка, или IF-logic, т. е. дружественно-нейтральную (или, как иногда ее называют отечественные специалисты, дружественно-независимую) логику (Целищев, 2015, с. 461). Обратим внимание на то, что в эпистемологической логике первого порядка аргументатор-носитель знания называется агентом (заметим в скобках не субъектом и, следовательно, можно было бы предположить, что агентом аргументации вполне может быть и машина, несмотря на то, что сам Хинтикка полагал, что результаты Геделя

относятся к мышлению машин, а не человека).

Миры, в которых действуют агенты аргументации, согласно Я. Хинтикке являются возможными мирами, в том виде, в котором их позже интерпретировал С. Крипке. В этих мирах и существуют агенты, обладающие определенной информацией, а также разнообразные вопросы и ответы на них. Возможные миры отличны один от другого. Например, в одних из них проблемой будет указание, а в других идентификация агентов.

В эпистемологической логике Я. Хинтикки использовался оператор нейтральности «/», с помощью которого обозначалась независимость квантификаторов друг от друга. Эта логика базировалась на теоретико-игровой семантике, выражавшей информационную независимость квантификаторов, использованных на различных шагах диалога-игры, что с помощью формальной логики позволяло устранять двусмысленность информационного диалогового поиска. Информационная нагруженность в возможных мирах была присуща и вопросам, и ответам на них.

Игровая семантика диалога связана с правилами. Я. Хинтикка исходил из того, что «правила, которые касаются формальной логики, являются по своей природе позвольтельными, специфицируя лишь то, какие выводные шаги позволены на данном этапе исследования. Такие правила, однако, не могут ответить на стратегические вопросы относительно того, как нужно проводить исследование, дедуктивно или интеррогативно. Этот пробел ликвидируют *стратегические правила* (выд. мною. — В. Ч.), которые открывают, как надо выигрывать игру. Основное преимущество использования IF-логики состоит в том, что в ней, в отличие от формальной логики, дедуктивные и интеррогативные процессы подвержены одним и тем же стратегическим рассмотрением, поскольку теория игр трактует их унифицированным образом» (Целищев, 2015, с. 463).

Обратим внимание на то, что Я. Хинтикка в отличие от Э. Барт основаниями теории аргументации считал не только прагматику и семантику, но прагматику, семантику и логику (эпистемологическая логика) (Hintikka, 1982, p. 77–91).

Это означало, что задачи демонстративной аргументации в работах П. Лоренцена, Э. Барт и Э. Краббе, а также Я. Хинтикки трактовались сходным образом, и не исключали возможностей использования человеком аргументирующим результатов машинного доказательства, достижений искусственного интеллекта (ИИ), что, заметим, не вполне прослеживалось в той модели идеальной аргументации, которую предложила прагма-диалектика амстердамской школы.

Вместе с тем, и Лоренцен-Барт-Хинтикка и Ф. ван Эмерен были сторонниками *прагматического* поворота в исследованиях и применении аргументации. Первые вводили прагматику в оборот в логике и математике, тогда, как второй в лингвистике. Можно предположить, что в силу различий уровня зрелости математики и лингвистики, последствия данного поворота для теории аргументации сегодня нами воспринимаются как не вполне одинаковые. Об этом свидетельствуют указываются результаты, полученные в наши дни не только в концепции информационно-ориентированного поискового диалога Я. Хинтикки, но и в немонотонной логике Р. Рейтера, типологии неопределенных рассуждений

Г. Кибурга (*Handbook of Argumentation Theory*, 2014), а также концепции абстрактной аргументации Фан-мин Данга, обстоятельный разбор достоинств которой осуществила Е. Н. Лисанюк (Лисанюк, 2015).

Оставляя детальное обоснование данного вывода здесь за рамками дальнейшей экспозиции, ограничим себя лишь следующими тремя намеками на его взвешенность, обусловленную, в первую очередь, его релевантностью современным трендам формирования и развития информационного общества.

Во-первых, сошлемся на то, что используемая в современной математике, этом излюбленном языке демонстративной аргументации топология существенно отличается от геометрии. Во-вторых, современные математические доказательства являются достаточно труднообозримыми и проверяемыми для человека. На это, например, указывают хорошо известные общественности перипетии, связанные с признанием научным сообществом доказательства российским математиком Г. Перельманом гипотезы А. Пуанкаре.

В-третьих, в современной математике фигуры фрактальной геометрии уже сегодня предлагают нам не известные ранее каноны убедительной наглядности. Оценить их по достоинству в наши дни скорее способен уже не столько человек, сколько ЭВМ. Перечисленные выше намеки в целом, по меньшей мере, ориентируют нас на критические оценки классических представлений о неразрывной связи между высшей убедительностью демонстративной аргументации (математического(логического) доказательства), с одной стороны, и геометрической наглядностью, с другой стороны; между способностями и компетенциями человека информационного общества к демонстративной аргументации, с одной стороны, и перспективами развития человека аргументирующего, который также должен уметь обосновывать, убеждать и разъяснять (понимать), как и его предшественники, с другой стороны.

В наши дни экспозиция особенностей мышления человеческих поколений Y и Z считается почти невозможной без использования образа, картинки. Исследователи также рассуждают о том, что приметой информационного современного общества становится так называемое клиповое мышление человека.

Обратим внимание на то, что после того, как ЭВМ начали с 1996 г. периодически выигрывать поединки с чемпионами мира по шахматам, рассматривая квадрат опыта и теории аргументации уже невозможно отвлекаться от влияния на его содержание искусственного интеллекта (ИИ), а также машинного доказательства, задачи поиска глубинной взаимосвязи доказательства, обоснования, убеждения и экспликации при их использовании.

Не забывая о достижениях в области логического программирования, искусственного интеллекта (ИИ), машинных доказательств, следует продолжать изучение их влияния на специфику демонстративной аргументации в условиях информационного общества.

Отдавая должное существованию в этом обществе социального заказа на расширенные возможности использования демонстративной аргументации, удовлетворять которые невозможно исключением формальной логики из учебных планов подготовки специалистов, в заключении остановимся на актуальности для информационного общества обстоятельного изучения сторон недемонстра-

тивной: конформативной, персуазивной и экспликативной аргументации, и ее теоретического моделирования.

Не претендуя на решении данной задачи в полном объеме, далее ограничимся беглой аргументологической оценкой только трех, пожалуй, наиболее репрезентативных и влиятельных на Западе из них: теоретических моделях аргументации Ст. Тулмина, Х. Перельмана, Ф. ван Эмерена.

Выбор данных моделей для анализа объясняется, помимо необходимости глубже понять специфику совместимости современных КТА и ПТА с задачами развития информационного общества, также все еще открытыми для обсуждения перспективами их практического использования в Беларуси, России, СНГ.

Текстологический анализ работы Ст. Тулмина «The Uses of Argument» (1958) выявляет две ее аргументологические особенности: 1) суд формальной логики по сравнению с судом Разума с большой буквы в деле изучения аргументации во многих областях общественной деятельности имеет ограниченную компетенцию; 2) оценка аргументации невозможна вне обращения к ее контексту (истории науки и культуры).

Сам Ст. Тулмин полагал, что развивает историческую и эпистемологическую *логику аргументации*. С позиций аргументологии его оценку собственной модели аргументации следовало бы уточнить: у него речь шла по преимуществу о *конформативной* теоретической модели аргументации.

Конформативный смысл данной модели аргументации проявлялся уже в ее понятиях. Жесткое ядро аргументации Ст. Тулмин именовал *независимым*, константным полем аргументации. В нем выделялись следующие элементы: тезис, данные, оправдание-обоснование аргументации. Данные, строго говоря, отличались от аргументов логического доказательства, а оправдание-обоснование от его демонстрации, и не только терминологически.

Введение Ст. Тулминым в оборот трудно переводимого на русский язык понятия «оправдание-обоснование» (по английски *warrant*), как представляется, также свидетельствовало о том, что тулминовская теория аргументации была по преимуществу конформативно ориентированной. Согласно Ст. Тулмину, оправдание-обоснование является таким рассуждением, в котором приводятся reasons, обеспечивающие приемлемость определенной точки зрения.

Если в процессе обоснования-оправдания мы концентрируемся на особенностях связи субъективных и интерсубъективных сторон рассуждения, то обоснование, как процесс приведения оснований оказывается оправданием-обоснованием в буквальном смысле этого выражения. Оно, следовательно, не будет уже аналогом демонстрации, шире: логического доказательства, в котором могут использоваться только объективные по содержанию, истинные элементы. При этом оно остается все же обоснованием, т. к. в нем определенным образом учитываются те разнообразные затруднения, с которыми сталкивается (может столкнуться) любая практика обоснования.

Эта практика, как уже было показано выше и на другом материале, раскрывая механизмы объединения основы (основания) и обосновываемого, а у Тулмина, субъективного и интерсубъективного, всегда «беременна», по меньшей мере, тремя затруднениями: регрессом в бесконечность; кругом в обосновании;

использованием в обосновании произвольных, т. е., притянутых к нему как бы «за уши», выразимся образно, элементов. Перечисленных затруднений, так или иначе, касался еще Аристотель. В XX в. их специально анализировал Г. Динглер, а другой немецкий философ: Г. Альберт удачно назвал их *трилеммой Мюнхаузена*.

Раскрывая отличие доказательной демонстрации от конфирмативной аргументации, Тулмин ссылался на то, что последняя может состоять не из трех, а, например, шести элементов. Не только тезиса (claim), данных (data), обоснования-оправдания (warrant), но также поддержки (backing) обоснования-оправдания, и ограничителя (rebuttal), а также квалификатора (qualifier) данных аргументации.

Проведенный нами анализ тулминовской теоретической модели конфирмативной аргументации, не позволяет согласиться с теми ее критиками, которые уподобляли ее риторической эпихейреме, т. е. такой персуазивной аргументации, строительным материалом которой являются энтимемы — риторические демонстративные умозаключения с пропущенными посылками, и, следовательно, общей моделью не КТА, а ПТА.

В тулминовской КТА вполне конструктивистски (в соответствии с принципами критической рациональности) использовалась процедура реконструкция связи данных и точки зрения аргументации. Эта реконструкция, по верной оценке самого Тулмина, всегда неотделима от социально-исторического контекста реализации. Поэтому, согласно Тулмину, неформальные КТА, ПТА и ЭТА, являясь рациональными, на этой платформе скорее взаимно дополняют, чем исключают друг друга. Там и тогда, где и когда мы можем абстрагироваться от социально-исторического контекста аргументации, там КТА, по мнению Тулмина, будет совпадать с ДТА и, следовательно, добавим от себя, помощником человека в деле аргументации вполне может быть машина, ИИ.

Отличную от тулминовской теоретическую модель исследования и применения аргументации также в 1958 г., но при этом независимо от нее предложили бельгийский ученый Х. Перельман и его ученица Л. Олбрехт-Тытека.

Для обозначения своеобразия собственной теоретической модели аргументации Х. Перельман после определенных колебаний взял на вооружение понятие *новой риторики*, периодически дополняя и уточняя его двумя выражениями: «юридическая (правовая) логика», а также «новая диалектика». В том случае, когда применительно к своей концепции аргументации бельгийский ученый использовал понятие логики, он намекал нам на демонстративные, а, применяя понятие диалектики, указывал на конфирмативные аспекты собственной концепции, которую мы вслед за самим Перельманом и в соответствии с его более предпочтительной для него терминологией новой риторики оценим, как ПТА.

Данная оценка не является только словесной. Исторически риторика всегда была, и, как представляется, остается и в наши дни, именно теорией убеждения, т. е. ПТА.

Неориторика Перельмана также была явно персуазивно ориентирована. Во-первых, потому, что использует такое, полностью не выразимое на формальном языке демонстративной аргументации понятие (категорию), как *частная* (кон-

кретная) аудитория (например, конкретная аудитория присяжных заседателей X,Y,Z). Во-вторых, понятие универсальной аудитории аргументации, которое использовал Перельман, только на первый взгляд могло быть формальным. В лучшем случае можно было бы говорить о его более формальном содержании по сравнению с понятием частной аудитории. Универсальная аудитория для Перельмана неразрывно связана с частной аудиторией. Фактически, она для него была конкретно-историческим явлением, поскольку в определенной цивилизации в него наряду с людьми могли включаться также животные или, добавим от себя, в другой, например, информационной цивилизации, машины.

Аргументация, нацеленная на эффективное убеждение конкретных людей в конкретной ситуации, безусловно, является персуазивной аргументацией, а ее теоретическая модель будет именно ПТА.

Персуазивная аргументация строится в соответствии с закономерностями убеждения (здесь мы оставляем в стороне тонкие различия двух французских синонимов понятия убеждения в русском языке: *conviction* и *persuasion*).

В ПТА любой истиной считается не объективное содержание наших знаний, а субъективные особенности восприятия аргументатором и аудиторией окружающего их мира. Отправными точками персуазивной аргументации, согласно Перельману, были особым образом понятые человеком истины, факты и предположения, ценности, их иерархии и топоры (общепринятые схемы рассуждения).

Персуазивная аргументация является, напомним вслед за Перельманом, таким блюдом, которое готовится не для поваров, а гостей, со всеми вытекающими отсюда последствиями для теории и практики поварского дела.

Аргументологическая экспертиза ПТА Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки, экспонированной в работе «Traite de l'argumentation. La nouvelle rhétorique» (1958), позволило выявить обычно остающуюся в тени особенность десятков, эксплицированных Перельманом убедительных схем аргументации. Они на проверку, пусть и в первом приближении, по большей части являются неформализуемыми. Вместе с тем, сам бельгийский ученый не исключал, что в персуазивной аргументации могут использоваться отдельные формализованные фрагменты.

Принципами неориторической ПТА были ассоциация (объединение) и диссоциация аргументатора и аудитории. Схематика ее реализации на основе ассоциации были квазилогическая, или только напоминающая логическую, а также, основанная на структуре реального и обосновывающая структуру реального аргументация.

Как нами уже ранее было показано по другому поводу, в персуазивной (квазилогической) аргументации не могут определенным образом не учитываться закономерности демонстративной аргументации (Чуешов, 2008, с. 37–49). В этой работе уместно подчеркнуть, что в двух других перельмановских схемах аргументации также вряд ли можно полностью абстрагироваться от эскизно очерченных выше некоторых формальных закономерностей аргументации-обоснования.

Несмотря на то, что в ПТА Перельмана специально не обсуждался вопрос о существовании в риторике убеждения какого-либо аналога конформативной трилеммы Мюнхаузена, можно предположить такой аналог для любой ПТА

все же имеется. Имеется постольку, поскольку все затруднения персуазивной аргументации, как было показано еще Аристотелем, обычно вращаются вокруг разнообразных способов взаимодействия этоса, логоса и патоса аргументации.

На это так же, как представляется, косвенно указывает большинство современных специалистов в области теории убеждения. Действительно, с одной стороны, эффективное убеждение невозможно без знания особенностей этоса, или авторитета аргументатора, обращения к патосу, или потребностям и интересам, а также желаниям аудитории аргументации, и, наконец, применению логоса, или особой идеоречевой структуры аргументации. Вместе с тем там и тогда, когда аргументатору не хватает этоса, его недостаток он может частично компенсировать тонким знанием патоса или умелым использованием логоса аргументации и т. д., и т. п. В этой связи нам никуда не уйти от ответов на вопросы о том, каким образом в процессе персуазивной аргументации мы можем компенсировать дефицит ее этоса, патоса и логоса.

Представляется в этой связи ввести в оборот трилемму персуазивной аргументации. Согласно ей, дефицит одного из условий эффективности персуазивной аргументации (этоса, патоса, логоса) мы можем компенсировать либо путем его имитации (специального конструирования), либо путем углубления двух других условий ее эффективности, оставляя открытым ответ на вопрос о том, насколько такая компенсация будет эффективной как для частной, так и для универсальной аудитории.

В этой связи нельзя пройти мимо одной из авторитетных современных стратегией преодоления не только некоторых затруднений трилеммы Мюнхаузена, но и затруднений *персуазивной трилеммы*, представленной в последние годы версии прагма-диалектической теории аргументации амстердамской школы.

В ее исходной версии сначала Ф. ван Эмерен и Р. Грутендорст объединили прагматику лингвистической теории аргументации, как сложного речевого акта, с диалектикой в духе Барт-Краббе, как совокупностью правил диалога с помощью критического рационализма К. Поппера. В более позднем варианте данной теории в оборот была введена концепция стратегического маневрирования, с помощью которой была реализована попытка объединения нормативных принципов диалектики диалога с дескриптивными канонами риторики аргументации.

Не раскрывая всех особенностей стратегического маневрирования в прагмадиалектике амстердамской школы, уместно подчеркнуть, что введение их в оборот еще раз недвусмысленно намекают нам на то, что ДТА, с одной стороны, а также КТА, ПТА и ЭТА, с другой, в информационном обществе не столько исключают, сколько должны дополнять друг друга, как, собственно, в наши дни и дополняют уже в информационном обществе друг друга возможности человека и ИИ, а также доказательства и обоснования, убеждения и экспликации.

Список литературы

Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. — М. : Наука, 1991.

- Демьянков. З. Коммуникативное воздействие на структуру сознания // Роль языка в структурировании сознания. Ч. 1. — Институт философии АН СССР, 1984. — С. 138–161.
- Зайцев Д. В. Теории аргументации и их практические реализации // Рацио.ru. — 2015. — № 14. — С. 4–15.
- Ишмуратов А. Т. Логика социального дискурса. — URL: <http://ati65.com.ua/IAT-99.pdf> (дата обр. 10.10.2015).
- Карпенко А. С., Лектроский В. А., Родин А. В. Памяти Яаакко Хинтикки / Вопросы философии. — 2016. — URL: http://www.vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1337&Itemid=52 (дата обр. 16.03.2016).
- Лисанюк Е. Н. Аргументация и убеждение. — СПб : Наука, 2015.
- Микиртумов И. Б. Теория смысла и интенциональная логика. — СПб : СПбГУ, 2006.
- Нагель Э., Ньюмен Д. Теорема Геделя. — М. : Красанд, 2010.
- Пушкарский А. Г. Курт Гедель и его онтологическое доказательство // Рацио.ru. — 2014. — № 13. — С. 153–172.
- Целищев В. В. Хинтикка о сократической эпистемологии // ΣΧΟΛΕ. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 460–463.
- Чуешов В. И. Основы современной логики. — Минск : Современное знание, 2003.
- Чуешов В. И. О единстве логики и риторики в анализе аргументационного дискурса // Логико-философские штудии. — 2008. — № 6. — С. 37–49.
- Чуешов В. И. Аргументология об аргументации и ее специфике в философии // Грани гуманитарного знания. — Курск : КГМУ, 2014а. — С. 505–516.
- Чуешов В. И. Какой быть аргументологии в XXI веке? // Философия. Методология. Познание. Сб. научн. трудов к 85-летию академика Д. И. Широконова. — 2014б. — С. 350–358.
- Шшиков И. З. В поисках новой рациональности: философия критического разума. — М. : УРСС, 2003.
- Dingler H. Grundriß der methodischen Philosophie. Die Lösungen der philosophischen Hauptprobleme. — Füssen, 1949.
- Dung P. M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in non-monotonic reasoning, logic programming and *n*-person games // Artificial Intelligence. — 1995. — Vol. 77. — Pp. 321–357.
- Eemeren F. v., Grootendorst R., Kruiger T. Handbook of argumentation theory. — Dordrecht : Foris publ., 1987.
- Eemeren F. v., Grootendorst R., Snoeck Henkemans F. Fundamentals of argumentation theory: A handbook of historical backgrounds and contemporary developments. — Mahwah, NJ : L. Erlbaum, 1996.
- Handbook of Argumentation Theory / F. v. Eemeren, B. Garssen, E. C. W. Krabbe, F. A. Snoeck Henkemans, B. Verheij, J. H. M. Wagemans. — Dordrecht, New York, London : Springer, 2014.
- Hintikka J. Semantical games and transcendental arguments // Argumentation: Approaches to the theory formation: Containing the contributions to the Groningen

Conference on the theory of argumentation, October 1978 / ed. by E. Barth, J. Martens. — Amsterdam : J. Benjamin, 1982. — Pp. 77–91.

Hintikka J. Socratic epistemology: Explorations of knowledge-seeking by questioning. — New York : Cambridge University Press, 2007.

Об авторе

Виктор Иванович Чуешов — д. филос. н., профессор, зав. кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, tchoue@mail.ru.

Argumentological Trends in Information Society

Viktor Tchouechovⁱ

ⁱAcademy of Public Administration
Minsk

Abstract: The article analyses argumentological trends of the information society. An argumentation experience and argumentation theory square have been considered. The author shows the main peculiarities of demonstrative, confirmative, persuasive, as well as explicative modern theories of argumentation. The principles of argumentological additionality of the modern basic theories of argumentation as well as their place in information society development were analysed.

Keywords: argumentology, square of experience and argumentation theory, demonstrative, confirmative, persuasive, explicative theories of argumentation, information society.

References

- Arno, A. and Nikol, P. (1991). *Logika, ili iskusstvo myslit'*. M.: Nauka.
- Celishhev, V. V. (2015). "Hintikka o sokraticheskoj jepistemologii". *ΣΧΟΛΗ*, vol. 9, no. 2, pp. 460–463.
- Dem'jankov, V. Z. (1984). "Kommunikativnoe vozdejstvie na strukturu soznaniya". In: *Rol' jazyka v strukturirovanii soznaniya*. .1. Institut filosofii AN SSSR, pp. 138–161.
- Dingler, H. (1949). *Grundriß der methodischen Philosophie. Die Lösungen der philosophischen Hauptprobleme*. Füssen.
- Dung, P. M. (1995). "On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n -person games". *Artificial Intelligence*, vol. 77, pp. 321–357.
- Eemeren, F. van, Garssen, B., Krabbe, E. C. W., Snoeck Henkemans, F. A., Verheij, B., and Wagemans, J. H. M. (2014). *Handbook of Argumentation Theory*. Dordrecht, New York, London: Springer.
- Eemeren, F. van, Grootendorst, R., and Kruiger, T. (1987). *Handbook of argumentation theory*. Dordrecht: Foris publ.

- Eemeren, F. van, Grootendorst, R., and Snoeck Henkemans, F. (1996). *Fundamentals of argumentation theory: A handbook of historical backgrounds and contemporary developments*. Mahwah, NJ: L. Erlbaum.
- Hintikka, J. (1982). “Semantical games and transcendental arguments”. In: *Argumentation: Approaches to the theory formation: Containing the contributions to the Groningen Conference on the theory of argumentation, October 1978*. Ed. by E. Barth and J. Martens. Amsterdam: J. Benjamin, pp. 77–91.
- (2007). *Socratic epistemology: Explorations of knowledge-seeking by questioning*. New York: Cambridge University Press.
- Ishmuratov, A. T. (2015). *Logika social’nogo diskursa*. URL: <http://ati65.com.ua/IAT-99.pdf> (visited on 10/10/2015).
- Karpenko, A. S., Lektroskij, V. A., and Rodin, A. V. (2016). *Pamjati Jaaakko Hintikki*. Voprosy filosofii. URL: http://www.vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1337&Itemid=52 (visited on 03/16/2016).
- Lisanjuk, E. N. (2015). *Argumentacija i ubezhdenie*. SPb: Nauka.
- Mikirtumov, I. B. (2006). *Teorija smysla i intensional’naja logika*. SPb: SPbGU.
- Nagel, E. and Newman, J. (2010). *Teorema Gedelja*. M.: Krasand.
- Pushkarskij, A. G. (2014). “Kurt Gedel’ i ego ontologicheskoe dokazatel’sтво”. *Ratio.ru*, no. 13, pp. 153–172.
- Shishkov, I. Z. (2003). *V poiskah novoj racional’nosti: filosofija kriticheskogo razuma*. M.: URSS.
- Tchouechov, V. I. (2003). *Osnovy sovremennoj logiki*. Minsk: Sovremennoe znanie.
- (2008). “O edinstve logiki i ritoriki v analize argumentacionnogo diskursa”. *Logiko-filosofskie shtudii*, no. 6, pp. 37–49.
- (2014). “Kakoj byt’ argumentologii v XXI veke?” In: *Filosofija. Metodologija. Poznanie. Sb. nauchn. trudov k 85-letiju akademika D. I. Shirokanova*. Pp. 350–358.
- Tchouechov, V. I. (2014). “Argumentologija ob argumentacii i ee specifikie v filosofii”. In: *Grani gumanitarnogo znanija*. Kursk: KGMU, pp. 505–516.
- Zajcev, D. V. (2015). “Teorii argumentacii i ih prakticheskie realizacii”. *Ratio.ru*, no. 14, pp. 4–15.

About author

Prof., Dr. **Viktor Tchouechov**, Department of philosophy and ideology of the Academy of public administration, Minsk, Belarus, tchoue@mail.ru.